

RUGRAM

ЗИГМУНД ФРЕЙД

*Психоанализ
навязчивых страхов*

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 159.964.2
ББК 88.3
Ф86

SIGMUND FREUD
Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben
1909

Перевели с немецкого Н. Е. Осипов, О. Б. Фельцман

Фрейд З.

Ф86 Психоанализ навязчивых страхов / Зигмунд Фрейд ; [пер. с нем. Н. Е. Осипова, О. Б. Фельцмана]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 141 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

«Психоанализ навязчивых страхов» (1909) — яркий пример практического исследования в области психоанализа. Это история болезни пациента, с которым работал венский психиатр, а также убедительная демонстрация применения его метода к таким распространенным явлениям человеческой психики, как фобии.

УДК 159.964.2
ББК 88.3

ISBN 978-5-517-03568-4

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ВВЕДЕНИЕ

За болезнью и излечением маленького пациента, о которых я буду говорить ниже, строго говоря, наблюдал не я. Хотя, в общем, я и руководил лечением и даже однажды лично принимал участие в разговоре с мальчиком, но само лечение проводилось отцом ребенка, которому я и приношу свою благодарность за почти каждодневные заметки, переданные им мне для опубликования. Заслуги отца очень велики; я думаю, что кому-нибудь другому вообще не удалось бы побудить ребенка к таким признаниям. Без знаний, благодаря которым отец мог истолковывать рассказы своего пятилетнего сына, никак нельзя было бы обойтись, и технические трудности психоанализа в столь юном возрасте остались бы непреодолимыми. Только совмещение в одном лице родительского и врачебного авторитета, совпадение нежных чувств с научным интересом сделало здесь возможным использовать метод, который в подобных случаях вообще вряд ли мог бы быть применен. Но особенное значение этого опыта заключается в следующем. Врач, занимающийся психоанализом взрослого невро-

тика, раскрывающий слой за слоем психические наслоения, приходит наконец к известным предположениям о детской сексуальности, в компонентах которой он видит движущую силу для всех невротических симптомов последующей жизни. Я изложил эти предположения в опубликованной мной в 1905 году работе «К теории полового влечения». И я уверен, что для незнакомого с психоанализом они покажутся настолько же чуждыми, насколько для психоаналитика неопровержимыми. Но и психоаналитик должен сознаться в своем желании получить наиболее прямым и коротким путем доказательства этих основных положений. Изучить сексуальные побуждения ребенка и возникновение у него желаний, благодаря их свежести, значительно легче, чем у взрослого, когда их с трудом приходится извлекать из-под многочисленных наслоений. Тем более что, по нашему убеждению, они составляют конституциональное достояние всех людей и только у невротика оказываются усиленными или искаженными.

Вот почему я уже давно побуждаю своих друзей и учеников собирать наблюдения над половой жизнью детей, которая обыкновенно по тем или другим причинам остается незамеченной или скрытой. Среди материала, который, благодаря моему предложению, попадал в мои руки, сведения о маленьком Гансе заняли выдающееся место. Его родители, оба мои ближайшие приверженцы, решили воспитать своего первенца с минимальным принуждением, какое безусловно требуется для сохранения добрых нравов. И так как дитя развилось в веселого, славного и бойкого мальчишку, попытки воспитать его без строгостей, дать ему возможность свободно расти и проявлять себя привели к хорошим результатам. Я здесь воспроизвожу записки отца о маленьком Гансе,

и, конечно, я, пренебрегая условностями, всячески воздержусь от искажения наивности и искренности, столь обычных в детской комнате.

Первые сведения о Гансе относятся ко времени, когда ему еще не было полных трех лет. Уже тогда его различные разговоры и вопросы обнаруживали особенно живой интерес к той части своего тела, которую он на своем языке обычно называл «писуном». Так, однажды он задал своей матери вопрос.

Г а н с: Мама, у тебя есть писун?

М а т ь: М-да... С чего это ты спрашиваешь?

Г а н с: Да просто так.

В том же возрасте он входит в коровник и видит, как доят корову. «Смотри, — говорит он, — из писуна течет молоко».

Уже эти первые наблюдения позволяют ожидать, что многое, если не бóльшая часть из того, что говорит маленький Ганс, окажется типичным для сексуального развития ребенка. Я уже однажды указывал, что не нужно приходить в ужас, если у женщины проявляется желание сосать половой член. Это непристойное побуждение довольно безобидно по своему происхождению, так как связано с представлением о материнской груди, причем вымя коровы — это что-то среднее, ибо по природе это — грудная железа, а по виду и расположению — пенис. Открытие маленького Ганса подтверждает это.

В то же время его интерес к «писуну» не только теоретический, у него имеется стремление прикасаться к своему половому члену. В возрасте трех с половиной лет мать застала его за этим занятием. Мать пригрозила ему: «Если ты будешь делать это, я позову доктора А., и он отрежет тебе твой писун. Чем же ты тогда будешь делать пипи?»

Г а н с: Попкой.

В этот момент у него еще нет осознания вины, но он уже на пути приобретения *кастрационного комплекса*, который так часто встречается при анализе невротиков, хотя все они это отрицают. О значении этого момента в истории развития ребенка можно было бы сказать много весьма существенного. Кастрационный комплекс оставил заметные следы в мифологии (и не только в греческой).

Я уже говорил о роли его в «Толковании сновидений» и в других работах.

Почти в том же возрасте (три с половиной года) Ганс возбужденно и с радостью кричит: «Я видел у льва писун!»

Большую часть значения, которое имеют животные в мифах и сказках, нужно, вероятно, приписать той откровенности, с которой они показывают любознательному младенцу свои половые органы и их сексуальные функции. Сексуальное любопытство нашего Ганса не знает сомнений, но оно делает его исследователем и дает ему возможность правильного познания.

В 3 года 9 месяцев он видит на вокзале, как из локомотива выпускается вода. «Локомотив делает пипи. А где у него писун?»

Через минутку он глубокомысленно прибавляет: «У собаки, у лошади есть писун, а у стола и стула — нет». Таким образом, он установил существенный признак для различия одушевленных и неодушевленных предметов.

Любознательность и сексуальное любопытство, по-видимому, тесно связаны между собой. Любопытство Ганса направлено преимущественно на родителей.

Г а н с (3 года 9 месяцев): Папа, и у тебя есть писун?

О т е ц: Да, конечно.

Г а н с: Но я его не видел, когда ты раздевался.

В другой раз он неотрывно смотрит на мать, когда та раздевается на ночь. Она спрашивает: «Почему ты на меня так смотришь?»

Г а н с: Я смотрю, есть ли у тебя писун.

М а т ь: М-да.

Г а н с: Я думал, раз ты большая, то и писун у тебя как у лошади.

Заметим себе это ожидание маленького Ганса. Позже оно получит свое объяснение.

Большое событие в жизни Ганса — рождение его маленькой сестры Анны — имело место, когда Гансу было как раз 3 с половиной года (апрель 1903 г. — октябрь 1906 г.). Его поведение при этом отмечено отцом. В 5 ч. утра, когда начались схватки, постель Ганса перенесли в соседнюю комнату. В 7 ч. он проснулся, услышал стоны матери и спросил: «Почему это мама так кашляет? — И после паузы: — Сегодня, наверно, прилетит аист».

Конечно же ему в последние дни часто говорили, что аист принесет мальчика или девочку, и он совершенно правильно ассоциирует необычные стоны с появлением аиста.

Позже его привели на кухню. В передней он увидел сумку врача и спросил: «Что это такое?» Ему отвечают: «Сумка». Тогда он уже убежденно заявляет: «Сегодня прилетит аист». После родов акушерка входит на кухню и просит чаю. Ганс обращает на это внимание и говорит: «Ага, когда мамочка кашляет, ей дают чай». Затем его зовут в комнату, но он смотрит не на мать, а на тазы с окрашенной кровью водой и с некоторым смущением говорит: «А у меня из писуна никогда кровь не течет».

Все его замечания показывают, что он связывает все необычное в окружающей обстановке с прилетом аиста.

На всё он смотрит с усиленным вниманием и с гримасой недоверия. Без сомнения, в нем прочно засело давнее недоверие по отношению к аисту.

Ганс весьма ревниво относится к новой пришелице, и когда последнюю хвалят, находят красивой и т. д., он тут же презрительно замечает: «А у нее зато нет зубов»^{1*}. Дело в том, что, когда он ее в первый раз увидел, он был поражен, что она не говорит, и объяснил это тем, что у нее нет зубов. Само собой разумеется, что в первые дни за ним следили меньше, чем обычно, и он подхватил ангину. В лихорадочном бреде он говорил: «А я не хочу никакой сестрички!»

Приблизительно через полгода ревность его прошла и он стал нежным, но уверенным в своем превосходстве братом^{2*}.

Несколько позже (через неделю) Ганс смотрит, как купают его сестрицу, и замечает: «А писун у нее еще мал, — и как бы в утешение прибавляет: — Ну, когда она вырастет, он станет больше»^{3*}.

^{1*} Опять типичное поведение. Другой брат, старше всего на 2 года, при аналогичных обстоятельствах выкрикивал со слезами: «Слишком мала, слишком мала!»

^{2*} Другой мальчик, постарше, при появлении на свет братца говорит: «Пусть его аист назад заберет». Сравним это с тем, что я говорил в «Толковании сновидений» о являющейся в сновидениях смерти дорогих родственников.

^{3*} К подобному же умозаключению в тех же выражениях пришли другие два мальчика, когда с любопытством в первый раз разглядывали живот своей маленькой сестрички. Можно было бы прийти в ужас по поводу этой ранней испорченности детского интеллекта. Почему эти юные исследователи не констатируют того, что видят, а именно: никакого пениса нет? Для нашего маленького Ганса это понятно. Мы знаем, как при помощи тщательной индукции он установил для себя общее положение, что живое отличается от неживого наличием «писуна»; мать поддержала его в этом убеждении, давая ему утвердительные ответы относительно лиц, уклонившихся от его наблюдения.